

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.128.43>

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Научная статья

Кузнецов А.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9548-4113;

¹ Университет ФСИН России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (andruck[at]mail.ru)

Аннотация

Принцип добросовестности участников гражданских правоотношений является одним из ведущих принципов гражданского права с присущей ему универсальностью. Принцип добросовестности не только устанавливает правила поведения, необходимые к соблюдению на любой стадии осуществления гражданских прав, но и выступает вектором развития общества и правосознания.

В данной статье автор анализирует соотношение понятий добросовестности и злоупотребления правом с точки зрения доктрины и правоприменительной практики. В результате проведенного исследования предлагается путем внесения изменений в п. 1 ст. 10 ГК РФ разрешить проблему неверного соотношения исследуемых категорий, при этом предоставив судам возможность применения универсальной санкции из п. 2 ст. 10 ГК РФ к случаям недобросовестного поведения.

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, реализация гражданских прав.

THE CORRELATION BETWEEN THE CATEGORIES OF INTEGRITY AND ABUSE OF RIGHTS

Research article

Kuznetsov A.V.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9548-4113;

¹ University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (andruck[at]mail.ru)

Abstract

The principle of integrity of participants of civil legal relations is one of the leading principles of civil law, with its inherent universality. The principle of integrity not only establishes the rules of conduct required to be observed at any stage of the exercise of civil rights, but also acts as a vector of development of society and legal consciousness.

In this article, the author analyses the ratio of the concepts of integrity and abuse of right from the standpoint of doctrine and law enforcement practice. As a result of the study, it is proposed by amending paragraph 1 of Art. 10 of the Civil Code to solve the problem of incorrect correlation of the examined categories, while giving courts the possibility to apply the universal sanction of paragraph 2 of Art. 10 of the Civil Code to cases of misconduct.

Keywords: principle of integrity, abuse of rights, exercise of civil rights.

Введение

В настоящее время пределы осуществления гражданских прав обозначены законодательством в ст. 10 ГК РФ, которая включает возможность ограничения реализации права в связи с наличием некоторых субъективных факторов. Так, в соответствии с актуальной редакцией ГК РФ не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. В доктрине и в судебной практике отсутствует единый подход к соотношению понятий добросовестности и злоупотребления правом.

Основные результаты

На сегодняшний день в юридической доктрине приводится множество различных вариантов подходов к определению дефиниции злоупотребления правом. Так, наиболее известное определение исследуемой правовой категории дано М. М. Агарковым, который пишет о злоупотреблении правом как о «поведение лица, остающееся в пределах границы, очерченной законом, но вышедшее за пределы той границы, которую суд сочтет по данному делу правильной» [1, С. 370].

Доктор юридических наук А.А. Соловьев в своих работах также придерживается позиции о том, что сущность злоупотребления правом состоит в использовании субъективного гражданского права, нацеленного не столько на реализацию или же защиту своих законных интересов, сколько на получение преимуществ за счет явного и существенного ущемления прав и законных интересов других субъектов гражданского оборота [2, С. 21]. Соответственно, согласно взглядам российских цивилистов, при злоупотреблении правом сущность деяния в любом случае не согласована с тем, для чего в действительности предназначено осуществляемое право, а также таит в себе намерение причинить вред другим субъектам.

Начиная рассуждения о соотношении категорий добросовестности и злоупотребления правом, углубимся в историко-правовые предпосылки и причины смещения исследуемых юридических явлений и отсутствия явного их разграничения современным позитивным правом.

Как уже отмечалось ранее, легальную форму принцип добросовестности обрел только лишь в 2013 году. Первой же редакцией ГК РФ эксплицитная обязанность действовать добросовестно закреплена не была, текст закона также не содержал указания на принцип добросовестности как общий принцип гражданского права. Такое безразличие законодателя того времени к категории добросовестности профессор Фогельсон Ю.Б. связывает с продолжением традиции советской доктрины, выражающейся в отождествлении добросовестного поведения с надлежащим исполнением требований закона [3, С. 3]. Общая концепция добросовестности, выработанная дореволюционными цивилистами, отрицалась советскими юристами как проявление буржуазной морали. Развивая высказанную мысль, можно предположить, что в условиях стремительного перехода к рыночной экономике, разрушения сложившейся системы хозяйствования в отсутствие современной выверенной теоретической основы принципа добросовестности было бы поспешно заключать принцип добросовестности в гражданское законодательство.

Однако практика показала, что современное гражданское право не может обходиться без такого нормативного аппарата, служащего инструментом защиты интересов участников гражданского оборота. Приведенная гипотеза подтверждается выводами Яковлевой С.В. в работе по анализу судебной практики до внедрения в гражданское законодательство принципа добросовестности [4, С. 54]. Автор отмечает, что суды, пытаясь исправить упущение законодателя, стали прямо ссылаться на принцип добросовестности без соответствующего нормативного подкрепления. В результате чего, можно заметить, вынесенные решения формально не соответствовали закону, но фактически были справедливыми [4, С. 54].

Однако ВАС в своем обзоре судебной практики применения категории злоупотребления правом для разрешения сложившейся правовой проблемы, в связи с необходимостью реагирования на недобросовестность предложил рассматривать недобросовестное поведение в качестве одной из вариаций злоупотребительного поведения. В связи с чем у судов появилась возможность ссылаться на ст. 10 ГК РФ в случаях недобросовестности субъектов гражданского оборота при отсутствии законодательно закрепленного принципа добросовестности. Приведенная позиция была воспринята правоприменителями и научным сообществом, в результате чего укоренилась и в судебной практике. Таким образом, любой вид недобросовестного поведения необходимо было признавать злоупотреблением права.

Такая правовая традиция стала причиной смещения, распространения позиции расширительного толкования злоупотребления правом и еще больше усложнила существующий вопрос о соотношении принципа добросовестности и категории злоупотребления правом.

Последовавшая затем реформа законодательного массива, изменения гражданского кодекса, вступившие в силу в 2013 году, также послужили основанием для развития дискуссии относительно использования недобросовестности как одного из вариантов злоупотребления правом. Так, законодатель, преобразуя ст. 10 ГК РФ, инкорпорировал в перечень форм злоупотребления правом и «иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав». Заметим, что указанная формулировка заменила предшествующую, звучавшую как «и иные формы злоупотребления правом». Соответственно, новая текстуальная форма п. 1 ст. 10 ГК РФ существенно расширяет толкование категории злоупотребления правом, делая норму «каучуковой», практически отождествляет недобросовестное поведение с злоупотребительным. Придание недобросовестному осуществлению прав признака умышленности – единственное, что не позволяет полностью приравнять рассматриваемые гражданско-правовые категории.

Давая определение злоупотреблению правом, многие цивилисты задают сущностный ориентир для разграничения и отмечают, что при злоупотребительном поведении реализация права направлена в большей степени на причинение ущерба другому лицу, явное ущемление прав и интересов иных участников гражданского оборота. Таким определением является уже приведенное нами выше определение А.А. Соловьева.

Недобросовестное поведение же всегда имеет цель получения собственной выгоды, которая достигается посредством эгоцентричного игнорирования интересов контрагентов, непрявления должной заботы о них.

В.С. Комарицкий, задавая вопрос содержания категорий злоупотребления правом, отмечает, злоупотребительное поведение подразумевает не сколько получение собственной выгоды, сколько причинение ущерба другой стороне [5, С. 45]. При этом, как замечает В.К. Андреев, сам субъект злоупотребления правом может извлечь для себя выгоду, так и не извлекать [6, С. 78].

Добросовестное лицо твердо уверено в непогрешимости, правильности своих действий, даже если вследствие его поведения нарушен какой-либо императивный запрет. В любом случае участник гражданского оборота пытается избежать причинения вреда интересам другой стороны, однако в определенных случаях допускает нарушение чужих прав и интересов исключительно в результате обстоятельств, о которых он не знал либо же не мог знать.

Также правовед В.М. Сайфутдинова пишет, что разница между недобросовестностью и злоупотреблением правом заключается в присутствии сознательности и намеренности причинить вред при злоупотреблении и в неосмотрительности при недобросовестном поведении [7, С. 3]. Авторка говорит о присутствии в субъективной стороне недобросовестных действий безразличия относительно последствий, касающихся иных участников оборота. Злоупотребительное же поведение характеризуется наличием вины. В заключение В.М. Сайфутдинова делает вывод о фактическом отождествлении законом рассматриваемых категорий.

Подводя итоги вышесказанному, обращаем внимание на следующее. Принцип доброй совести не допускает проявление эгоизма в поведении участников гражданского оборота, ограничивает действия, направленные исключительно на приумножение собственной выгоды в отсутствие должной заботы об интересах контрагентов. Бесспорно, и напрямую запрещенные законодательно, имеющие собственные негативные последствия, такие как злоупотребительное осуществление права, ненадлежащее исполнение в обязательственных отношениях, заключение мнимых и притворных сделок представляют собой проявления поведения недобросовестного характера. Тем не менее, в случае достаточности таких конкретизированных табу позитивного права на перечисленные недобросовестные действия отсутствовала бы всякая потребность вводить в гражданский кодекс принцип добросовестности. Однако на практике не редко возникают случаи, когда позитивное право не охватывает своим регулированием все многообразие

отношений, ситуаций, конфигураций интересов, и, действуя формально, согласно букве закона суды будут несправедливо разрешать гражданско-правовые споры.

Таким образом, суть как раз заключается в том, что возможный перечень форм недобросовестности гораздо больше и охватывает, к примеру, такие действия как занесение в договор со стандартными условиями идущих в разрез с принципом справедливости оговорок или пунктов, согласно которым лицо признается не осведомленным в части того, что оно не может не знать. Такие формы поведения не представляется возможным отнести к видам злоупотребления правом даже в случае достаточно широкого толкования положений закона. Отметим, что не относятся они и к действиям фиктивного, мнимого характера. Вместе с тем, существующие на сегодняшний день правовые режимы считают такое поведение субъектов гражданского оборота недопустимым.

Теоретический анализ существующих взглядов правоведов позволяет прийти к выводу, что в цивилистической науке злоупотребление правом противопоставляется поведению сообразному принципу добросовестности и рассматривается как одна из форм недобросовестного поведения с намерением причинить вред другому лицу.

Следует отметить, что в современной цивилистике наличествуют и иные ракурсы рассмотрения проблематики текстуального закрепления гражданским кодексом категорий добросовестности и злоупотребления правом, их соотношения. Так, известный цивилист К.В. Нам основную проблему видит в том, что п. 1 ст. 10 ГК РФ устанавливает запрет исключительно заведомо недобросовестного осуществления субъективного права. По мнению ученого, внедрение в законодательство критерия наличия умысла на недобросовестную реализацию права излишне и противоречит самому принципу добросовестности, так как не позволяет в случае отсутствия умысла применить, установленные п. 2 ст. 10 ГК РФ, неблагоприятные для злоупотребляющего последствия. В связи с чем ограничивая сферу действия принципа добросовестности. Свое видение проблематики К.В. Нам в сущности основывает на отождествлении недобросовестного и злоупотребительного поведения, что согласно нашему мнению, представляется неверным [8, С. 175].

Важным исследованием в оценке заданного гражданским кодексом определения недобросовестного поведения и злоупотребления правом считаем представленный профессором Ю.Б. Фогельсоном анализ российской судебной практики относительно использования внедренного законодательство в 2013 году принципа добросовестности и обновленного запрета на злоупотребление правом [3, С. 7]. Согласно его исследованиям, ссылки на принцип добросовестности содержатся менее чем в 0,2 % решений арбитражных судов, вынесенных после даты вступления в силу новой редакции гражданского кодекса, легализовавшей принцип добросовестности. Вместе с тем, число дел, в которых суды ссылаются на ст. 10 ГК РФ почти в двадцать раз больше, чем ссылок на п. 3 ст. 1 ГК РФ. При этом ученый отмечает, что процент дел, в которых содержится ссылка на ст. 10 гражданского закона растет с каждым годом.

Посредством анализа приведенных цивилистом статистических данных можно сделать вывод о том, что принцип добросовестности не обрел особой популярности в отличие от запрета злоупотребления правом, несмотря на наличие обстоятельных пояснений высшего суда нашего государства. Так, более утилитаристским, преимущественно используемым, как выяснилось, стала широкая интерпретация запрета злоупотребительного поведения, заданная еще в 2008 году информационным письмом Президиума ВАС РФ [9]. Соответственно, наиболее практичной и применимой из рассматриваемых норм права для судов стала категория злоупотребления правом.

Кроме того, заметим, что и те ссылки на принцип доброй совести, содержащиеся в судебных решениях, чаще всего делаются в комплексе с использованием ст. 10 ГК РФ в части законодательного запрета злоупотребительного поведения, а также последствий не соблюдения указанного запрета. К примеру, Люберецкий районный суд в своем решении цитирует положения норм о принципе добросовестности, далее же по тексту судебного акта указывает на следствия недобросовестного поведения стороны по делу, приводя санкцию, заключенную в п. 2 ст. 10 ГК РФ, представляющую собой отказ суда в защите субъективного права недобросовестного субъекта [11]. Приведенная логическая конструкция взаимодополнения норм о рассматриваемых гражданско-правовых категориях позволяет сделать вывод об отождествлении судами указанных дефиниций или же о признании недобросовестного поведения одной из форм злоупотребления правом. Однако подобный ход умозаключений, существующий в современной судебной практике, противоречит исторически сложившейся доктрине, лишает смысла существования, выделения правоведомы и законодателями двух различных гражданско-правовых дефиниций.

Считаем такое предпочтение судами комплекса положений закона о злоупотреблении правом в сравнении с нормой, содержащей принцип доброй совести, вполне оправданным и закономерным. Обоснованно использовать при принятии решений положения ст. 10 ГК РФ, которые закреплены системно, предусматривают и запрет, и своего рода санкцию, ответственность за несоблюдение запрета злоупотребления правом. И несмотря на то, что в кодексе намеренно обозначены специфические последствия для различных вариантов недобросовестного поведения. К примеру, п. 3 ст. 432 ГК РФ, п. 5 ст. 166 ГК РФ, в сущности, исключают правовое значение заявления стороной правоотношения требования о признании сделки незаключенной или же недействительной в случае ее недобросовестности. Все же ст. 10 ГК РФ закрепляет наиболее универсальное, легкое для восприятия правоприменителями следствие. Выходит, что решение законодателя о включение недобросовестного поведения в перечень форм злоупотребления правом путем создания новой редакции ст. 10 ГК РФ, приводит на практике к своего рода экспансии нормы о злоупотреблении правом, размыванию границ ее применения. Кроме того, к возможности применения универсальных последствий злоупотребления правом в каждом новом случае квалификации поведения как злоупотребительного согласно новой текстуальной форме статьи.

Так, в случае если реформа гражданского законодательства заключалась бы только лишь в легализации обязанности действовать сообразно исследуемому принципу, но не касалась бы категории злоупотребления правом, сложилась бы следующая ситуация. Суды при оценке действий сторон правоотношений как недобросовестных, должны были бы в каждом случае принимать решение о применении соответствующих виду недобросовестного поведения последствий. При наличии же новой редакции ст. 10 ГК РФ, не предаваясь глубинным рассуждениям, используют

универсальные последствия злоупотребительного поведения. Соответственно, с учетом вышеописанной проблематики целесообразным кажется возвращение предшествующей редакции п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Карапетов А.Г., комментируя основные положения гражданского права, предлагает нам смириться с невольным решением законодателя по отождествлению рассматриваемых гражданско-правовых категорий, поскольку, по мнению цивилиста, с учетом системного толкования ст. 1 и 10 ГК РФ не представляется возможным прийти к иному толкованию исходя из текстуального обозначения недобросовестного и злоупотребительного осуществления прав. Правовед обосновывает свои взгляды, отмечая, что воспринимать злоупотребления правом и нарушение принципа доброй совести при реализации гражданских прав как различные гражданско-правовые феномены нецелесообразно, ведь увеличение количества юридических существностей без веских на то причин безосновательно усложняет гражданское право [10, С. 703]. С приведенным тезисом вполне можно согласиться, хоть он и умаляет труды цивилистов, разработавших концепции содержания исследуемых феноменов, правовую традицию разграничения недобросовестного и злоупотребительного поведения.

В связи с этим предлагаем путем реформирования п. 1 ст. 10 ГК РФ разрешить проблему неверного соотношения исследуемых категорий, при этом предоставив судам возможность применения универсальной санкции из п. 2 ст. 10 ГК РФ к случаям недобросовестного поведения. В сущности, законодателю для этого стоит лишь изменить место расположения в тексте дефиниции, заключенной в скобки, а также исключить критерий заведомости относительно недобросовестного поведения. Соответственно, текстуально подлежащий реформированию пункт гражданского кодекса должен выглядеть следующим образом «...действия в обход закона с противоправной целью (злоупотребление правом), а также иное недобросовестное осуществление гражданских прав». Далее же по тексту статьи следует использовать дефиницию недобросовестности, отмечая ее наиболее широкий характер в сравнении со злоупотреблением правом.

Кроме того, стоит объединить содержательное наполнение пунктов 2 и 3 ст. 10 ГК РФ, указывая, что универсальное последствие в виде отказа в защите субъективного права недобросовестного лица применяются, поскольку иные последствия недобросовестного осуществления права не установлены гражданским кодексом. Такое изменение предотвратит злоупотребление судами универсальной санкцией, обратив внимание на специфические последствия различных вариантов недобросовестного поведения.

Заключение

Заключим, что в настоящее время российское позитивное право и судебная практика, в сущности, смешивают и отождествляют категории добросовестности и злоупотребления правом, хотя большинство цивилистов явственно разделяют рассматриваемые категории, указывая на различные цели поведения недобросовестных и злоупотребляющих правом субъектов. Юридическая наука также считает недобросовестное поведение более широкой категорией, чем злоупотребление правом, однако текстуальная форма п. 1 ст. 10 ГК РФ позволяет прийти к диаметрально противоположному толкованию. Соответственно, можно сделать вывод, что гражданское законодательство в этой сфере требует системного реформирования.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Кирилук Е.В., Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Conflict of Interest

None declared.

Review

Kirilyuk Y.V., Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Список литературы / References

1. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. / М.М. Агарков // Избранные труды по гражданскому праву. — 2002. — 2. — с. 370-378.
2. Соловьев А.А. Злоупотребление правом: некоторые теоретические проблем. / А.А. Соловьев // Экономическое правосудие Дальнего Востока. — 2019. — 3. — с. 21-29.
3. Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике. / Ю.Б. Фогельсон // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — 9. — с. 3-22.
4. Яковлева С.В. Принцип добросовестности и запрет злоупотребления правом в договорном праве. / С.В. Яковлева // Хозяйство и право. — 2010. — 11. — с. 54-70.
5. Комарицкий В.С. Применение принципов гражданского права к ответственности за недобросовестное ведение переговоров. / В.С. Комарицкий // Гражданское право. — 2014. — 5. — с. 45-54.
6. Андреев В.К. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / В.К. Андреев — М.: Юстиция, 2016. — 78 с.
7. Сайфутдинова В.М. Добросовестность и пределы осуществления интеллектуальных прав. / В.М. Сайфутдинова // Авторское право и смежные права. — 2020. — 4. — с. 3-17.
8. Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика. / К.В. Нам // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — 7. — с. 83-114.
9. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2009. — 2.
10. Решение Люберецкого городского суда Московской области № 2-7024/2020 2-7024/2020~М-7263/2020 М-7263/2020 от 25 ноября 2020 г. по делу № 2-7024/2020 42. // sudact.ru.

11. Карапетов А.Г. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.Г. Карапетов — М.: М-Логос, 2020. — 1469 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Agarkov M.M. Problema zloupotrebleniya pravom v sovetskom grazhdanskom prave [The problem of abuse of law in Soviet civil law]. / M.M. Agarkov // Izbranny'e trudy' po grazhdanskomu pravu [Selected works on civil law]. — 2002. — 2. — p. 370-378. [in Russian]
2. Solov'ev A.A. Zloupotreblenie pravom: nekotory'e teoreticheskie problem [Abuse of the right: some theoretical problems]. / A.A. Solov'ev // E'konomicheskoe pravosudie Dal'nego Vostoka [Economic justice of the Far East]. — 2019. — 3. — p. 21-29. [in Russian]
3. Fogel'son Yu.B. Princip dobrosovestnosti v rossijskoj sudebnoj praktike [The principle of good faith in Russian judicial practice]. / Yu.B. Fogel'son // Vestnik e'konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii [Bulletin of economic justice of the Russian Federation]. — 2017. — 9. — p. 3-22. [in Russian]
4. Yakovleva S.V. Princip dobrosovestnosti i zapret zloupotrebleniya pravom v dogovornom prave [The principle of good faith and the prohibition of abuse of right in contract law]. / S.V. Yakovleva // Xozyajstvo i pravo [Economy and law]. — 2010. — 11. — p. 54-70. [in Russian]
5. Komariczkiy V.S. Primenenie principov grazhdanskogo prava k otvetstvennosti za nedobrosovestnoe vedenie peregovorov [Application of the principles of civil law to liability for unfair negotiation]. / V.S. Komariczkiy // Grazhdanskoe pravo [Civil law]. — 2014. — 5. — p. 45-54. [in Russian]
6. Andreev V.K. Problemy' realizacii principov prava v predprinimatel'skoj deyatel'nosti: monografiya [Problems of implementation of the principles of law in entrepreneurial activity: monograph] / V.K. Andreev — М.: Yusticiya, 2016. — 78 p. [in Russian]
7. Sajfutdinova V.M. Dobrosovestnost' i predely' osushhestvleniya intellektual'ny'x prav [Conscientiousness and Limits of the Exercise of Intellectual Rights]. / V.M. Sajfutdinova // Avtorskoe pravo i smezhny'e prava [Copyright and related rights]. — 2020. — 4. — p. 3-17. [in Russian]
8. Nam K.V. Razvitie principa dobrosovestnosti (Treu und Glauben). Sovremennyj e'tap. Vnutrennyaya sistematika [Development of the principle of good faith (Treu und Glauben). Modern stage. Internal systematics]. / K.V. Nam // Vestnik e'konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii [Bulletin of economic justice of the Russian Federation]. — 2018. — 7. — p. 83-114. [in Russian]
9. Informacionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 25 noyabrya 2008 g. № 127 [Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated November 25, 2008 No. 127] // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. — 2009. — 2. [in Russian]
10. Reshenie Lyubereckogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti № 2-7024/2020 2-7024/2020~M-7263/2020 M-7263/2020 ot 25 noyabrya 2020 g. po delu № 2-7024/2020 42. [Decision of the Lyubertsy City Court of the Moscow Region No. 2-7024/2020 2-7024/2020~M-7263/2020 M-7263/2020 dated November 25, 2020 in case No. 2-7024/2020 42] // sudact.ru. [in Russian]
11. Karapetov A.G. Osnovny'e polozheniya grazhdanskogo prava: postatejny'j kommentarij k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Basic provisions of civil law: article-by-article commentary on articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation] / A.G. Karapetov — М.: М-Логос, 2020. — 1469 p. [in Russian]